

Зайцева Татьяна Борисовна, Цуркан Вероника Валентиновна

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК М. О. МЕНЬШИКОВ КАК ПРОТОТИП ЧЕХОВСКОГО "ЧЕЛОВЕКА В ФУТЛЯРЕ"

В статье актуализируется и доказывается гипотеза о литературном критике и публицисте М. О. Меньшикове (1859-1918) как о реальном прототипе Беликова, героя рассказа А. П. Чехова "Человек в футляре". Опираясь на анализ художественных текстов, воспоминания современников Чехова, дневниковые записи писателя, используя методы рецептивной эстетики, авторы показывают, как литературные ассоциации и жизненные впечатления причудливо сплетались в творческом сознании Чехова, рождая знаменитый образ "человека в футляре".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/10/10.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (100). С. 44-46. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что названия инопланетных рас в англоязычной фантастической литературе – это также один из способов языковой реализации оппозиции «свой – чужой». Наличие моделей в таком количестве и таких разнообразных подтверждает тезис о лингвосинергичных процессах словообразовательной системы современного английского языка, обеспечивающих расширение когнитивной базы словообразовательных моделей за счет привлечения текстовых материалов англоязычной научной фантастики.

Список литературы

1. **Бабичев Н. С.** «Расизм» в отечественной фантастике [Электронный ресурс]. URL: <http://fantlab.ru/blogarticle108> (дата обращения: 24.09.2015).
2. **Балясникова О. В.** «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/svoi-chuzhoi-v-yazykovom-soznanii-nositelei-russkoi-i-angliiskoi-kultur#ixzz2rm4p42on> (дата обращения: 24.09.2015).
3. **Вардзелашвили Ж.** Компонентный анализ слова в теории вторичной номинации [Электронный ресурс]. URL: <http://vjanetta.narod.ru/baku.html> (дата обращения: 24.09.2015).
4. **Морзавченков Г. А.** Выражение оппозиции «свой – чужой» языковыми средствами [Электронный ресурс]. URL: http://arhiv.oodvrs.ru/article/index.php?id_page=52&id_article=2237 (дата обращения: 24.09.2015).
5. **Alien Race Generator** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seventhsanctum.com/generate.php?Genname=alienrace> (дата обращения: 24.09.2015).
6. **Alien Species Generator** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scifiideas.com/alien-species-generator/> (дата обращения: 24.09.2015).
7. **List of Star Wars Books** [Электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Star_Wars_books (дата обращения: 24.09.2015).
8. **Random Alien Race Generators** [Электронный ресурс]. URL: <http://brideofbigfoot.wordpress.com/2012/04/29/random-alien-race-generators/> (дата обращения: 24.09.2015).

**NAMES OF ALIEN RACES IN MODERN ENGLISH SCIENCE FICTION
(BY THE MATERIAL OF “STAR WARS” SERIES BOOKS)**

Drabkina Inna Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Samara State University
mitka68@mail.ru

The article examines the correlations of the word-formation models used for the nomination of alien races in modern English science fiction and the characteristics of these alien races. The author analyzes the ways of the verbal expression of the opposition “friendly – alien” in the nomination of alien races confirming the thesis about the linguo-synergic processes providing the expansion of the cognitive basis of the word-formation models of modern English.

Key words and phrases: word-formation models; opposition “friendly – alien”; nomination; alien races; set of semes.

УДК 821.161.1.0

Филологические науки

В статье актуализируется и доказывается гипотеза о литературном критике и публицисте М. О. Меньшикове (1859-1918) как о реальном прототипе Беликова, героя рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре». Опираясь на анализ художественных текстов, воспоминания современников Чехова, дневниковые записи писателя, используя методы рецептивной эстетики, авторы показывают, как литературные ассоциации и жизненные впечатления причудливо сплетались в творческом сознании Чехова, рождая знаменитый образ «человека в футляре».

Ключевые слова и фразы: образ; прототип; футлярность; «человек в футляре»; рождение образа; литературная критика; творческие ассоциации.

Зайцева Татьяна Борисовна, к. филол. н., доцент

Цуркан Вероника Валентиновна, к. филол. н., доцент

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
tbz@list.ru

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК М. О. МЕНЬШИКОВ
КАК ПРОТОТИП ЧЕХОВСКОГО «ЧЕЛОВЕКА В ФУТЛЯРЕ»[©]**

Впервые о литературном критике М. О. Меньшикове (1859-1918) как о возможном прототипе Беликова, как о «живой модели» для чеховского героя рассказа «Человек в футляре» писал Ю. Соболев [5, с. 163-165].

Основанием для сопоставления стала дневниковая запись Чехова 1896 года, портрет знакомого публициста: «М. в сухую погоду ходит в калошах, носит зонтик, чтобы не погибнуть от солнечного удара, боится умываться холодной водой, жалуется на замирание сердца» [8, т. 17, с. 213]. М. П. Громов возразил, сославшись на то, что «сходство, однако, оказывается чисто внешним, поскольку ни по роду занятий, ни по складу характера Меньшиков на человека в фуляре не походил» [Там же, т. 10, с. 372]. «М. О. Меньшиков был не гимназическим педагогом, а мореплавателем, гидрографом и публицистом; он составил “Руководство к чтению морских карт” (СПб., 1891), “Лоцию Абоских и восточной части Аландских шхер” (СПб., 1898), и как раз в 1896 году (дата дневниковой записи) некий земский начальник, оскорбленный его фельетоном в “Неделе”, стрелял в него в упор и ранил (Беликова, правда, спустили с лестницы, но все же по совершенно иному поводу). За вычетом “реалий” – калош и зонтика – между Меньшиковым и Беликовым ничего общего нет» [2, с. 301].

На наш взгляд, рождение чеховского образа «человека в фуляре» все же имеет непосредственное отношение к литературному критику, но ассоциации Чехова были не столь прямолинейными. Основанием для сопоставления служат не только внешнее сходство, но даже, как ни парадоксально, род занятий Меньшикова и склад его характера, а точнее говоря, весь комплекс впечатлений Чехова от знакомства с Меньшиковым-человеком и Меньшиковым – литературным критиком.

В начале 1893 года М. О. Меньшиков опубликовал в книжках «Недели» статью «Без воли и совести», посвященную критическому разбору чеховского рассказа «Палата № 6». В статье критик характеризовал героев Чехова как «слабых и дряблых русских людей, новейших Обломовых» [4, с. 202], причисляя к этому ряду в духе добролюбовской традиции Евгения Онегина, Рудина, Бельтова и других. По мнению публициста, «сохраняя все крупные черты родового обломовского типа» (а именно, «бездельность», «безволие», «недостаток в душе нравственного сознания», «бездарную совесть»), Андрей Ефимович Рагин «представляет в нравственном смысле дальнейшую, несравненно более низкую стадию вырождения» [Там же, с. 209-210].

В статье явственно намечалось противоречие, так и не разрешенное автором: с одной стороны, Меньшиков подчеркивал типичность Рагина как представителя «безжизненной интеллигенции», с другой, не мог уместить в рамки своей литературно-критической концепции далеко не обломовский, «тонкий и развитый ум», «ненасытную умственную жадность» героя «палаты № 6» и вынужден был определять его случай как «исключительный, взятый для резкости» [Там же, с. 219].

Чехов, как известно, всегда с большим недоверием относился к безответственному «пристегиванию», как выражался сам писатель, персонажей к уже известным литературным героям. В 1899 г. писатель сетовал по поводу литературно-критической рецепции своей пьесы «Дядя Ваня»: «В “Русских ведомостях»” видел статью насчет “Обломова”, но не читал; мне противно это высасывание из пальца, пристегивание к “Обломову”, к “Отцам и детям” и т.п. Пристегнуть всякую пьесу можно к чему угодно, и если бы Санин и Игнатов вместо Обломова взяли Ноздрева или короля Лира, то вышло бы одинаково глубоко и удобочитаемо» [7, т. 8, с. 319]. Не был близок писателю и пафосно-проповеднический тон критического выступления М. О. Меньшикова.

Статья «Без воли и совести» производила впечатление авторской самоуверенности и авторской самостранности (пусть даже не осознанной) от излагаемой проблемы: «Русский человек – грешный человек, вот что чувствовал я всегда; бывают исключения, но как тип – это слабый человек, слабосильный и энергией, и совестью» [4, с. 226]. Позиция публициста была дидактической позицией над-причастности. Автор явно не предполагал отнести к «современным Обломовым» самого себя. Кончалась статья резким осуждением всех «наших Обломовых», которые «мирятся со всякой гадостью», вследствие чего «глухие старосветские углы переполнены злом», и абстрактным, хотя страстным призывом к немолчному осуждению, к борьбе со злом, и проповедью справедливых, братских отношений [Там же, с. 224]. Немаловажно подчеркнуть, что имя Меньшикова у Чехова отныне было связано с именем литературного героя, гончаровского Обломова.

В августе 1893 года (по воспоминаниям брата писателя, Михаила Павловича) известный публицист посетил Чехова в Мелихове, произведя неоднозначное впечатление: «Нам было известно, что Меньшиков – бывший морской офицер, и вдруг к нам приехал в полном смысле слова человек в фуляре: штатский, в больших калошах, в теплом ватном пальто с приподнятым воротником и с громадным дождевым зонтиком, несмотря на сухую летнюю погоду» [9, с. 167]. М. П. Чехов признавался, что после отъезда «человека в фуляре» все обитатели Мелихова вздохнули с облегчением.

Очевидный контраст между ярким и страстным словом Меньшикова-публициста и тем, чем предстал Меньшиков-человек в жизни, несомненно, поразил и самого А. П. Чехова. Именно тем летом и появилась знаменитая запись в дневнике, процитированная выше. По-видимому, тогда и начал складываться ассоциативно-творческий ряд: впечатления от встречи с Меньшиковым – реакция на его статью – гончаровские аллюзии – замысел «Человека в фуляре». Ряд представляется закономерным тем более, что реальный Меньшиков, открещивающийся от Обломовых на бумаге, в жизни удивительно напоминал «обвиняемого» Обломова своей боязливой манерой одеваться впрок, чрезмерной заботой о здоровье, пугливыми подозрениями о существовании у него неведомых тяжелых недугов. Вспомним, например, обломовские ячмени или медицинское свидетельство об «отолщении сердца с расширением левого желудочка оно», которое обнаружилось как недуг кстати и помогло Обломову избежать неминуемого выговора «страшного» канцелярского начальника [1, с. 48]. Как только гончаровский герой делал попытку выбраться из своего халата, олицетворяющего для него покой и утешительную предсказуемость будущего, Обломов искал другие, не менее надежные способы защититься от случайностей жизни и ее несовершенства. Готовясь к путешествию в Европу, «Обломов купил одеяло, шерстяную фуфайку, дорожный несессер, хотел – мешок для провизии, но десять человек сказали, что за границей

провизии не возят» [Там же, с. 147]. Напуганный предстоящими свадебными хлопотами, Обломов, по его словам, «осторожно», а по верному замечанию Ольги Ильинской, «трусливо» выискивает любую увертку, чтобы уйти от решительного разговора с невестой. Ольга предлагает покататься на лодке по Неве, Обломов упирается: «Что ты? Бог с тобой! Этаким холод, а я только в ваточной шинели...» [Там же, с. 258].

Тема «футлярности» родилась у Чехова как развитие мотива «халатничества». И. Н. Сухих неслучайно назвал первую юношескую пьесу Чехова «Безотцовщина» («Платонов») «ироническим конспектом романа Гончарова» [6, с. 21]. Ассоциации с «Обломовым» возникают неизбежно. Так, Платонов размышляет о вариантах своей судьбы: «Мне двадцать семь лет, тридцати лет я буду таким же – не продвину перемен! – там дальше жирное халатничество, отупение, полное равнодушие ко всему тому, что не плоть, а там смерть!! Пропала жизнь!» [8, т. 11, с. 85]. Реплика главного героя другой пьесы Чехова, Иванова, вновь напоминает нам об Обломове и, как автоцитата, о «Безотцовщине», продолжая тему «халатничества»-«футлярности»: «В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат» [Там же, т. 12, с. 73]. Халат в произведениях Чехова становится символом преждевременно постаревшей, опустошенной души, в дальнейшем трансформируясь в образ футляра как «гротескного проявления обломовского страха перед жизнью в эпоху безвременья» [3, с. 16].

Рассказчик и главный герой «Рассказа неизвестного человека» (1893 г.), Владимир Иванович, бросает в лицо ненавистному для него сибариту Орлову гневные слова: «Вы много читаете, и на вас ловко сидит европейский фрак, но все же с какою нежною, чисто азиатскою, ханскою заботливостью вы берегаете себя от голода, холода, физического напряжения – от боли и беспокойства, как рано ваша душа спряталась в халат, какого труса разыграли вы перед действительною жизнью и природой, с которою борется всякий здоровый и нормальный человек» [8, т. 8, с. 189]. Инвектива, напоминающая страстные публицистические выступления М. О. Меньшикова. Однако эти слова могли быть обращены и к самому Владимиру Ивановичу. Бывший террорист-народовец одержим «раздражающей жаждой обыкновенной обывательской жизни», ему хочется «душевного покоя, здоровья, хорошего воздуха, сытости» [Там же, с. 140]. Однако разве не подобный образ жизни ведет осуждаемый героем Орлов? Гнев, бескомпромиссность призыва чеховского героя подсознательно продиктованы боязнью собственных стремлений, желаний неизвестного самому себе человека.

Вспомним, что главный герой «Рассказа неизвестного человека» – отставной лейтенант флота, совершивший кругосветное путешествие. Случайная, на первый взгляд, деталь косвенно отсылает нас к бывшему морскому офицеру М. О. Меньшикову. Таким образом, известный русский литературный критик и публицист М. О. Меньшиков должен занять место в ряду прототипов чеховского «человека в футляре». Литературные ассоциации и жизненные впечатления причудливо сплетались в творческом сознании Чехова, рождая знаменитый гротескный образ Беликова. От слияния литературных и реальных атрибутов – спасительного халата, одеяла, шерстяной фуфайки, ваточной шинели Обломова и теплого ватного пальто с приподнятым воротником, большого зонтика и калош Меньшикова, от метаморфозы энергии мореходца в пугливость обывателя, от эволюции мотива «халатничества» к теме «футлярности» – очевидно, таково движение чеховских творческих устремлений к изображению «человека в футляре».

Список литературы

1. **Гончаров И. А.** Обломов: роман: в 4-х ч. Л.: Наука, 1987. 695 с.
2. **Громов М. П.** Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. 384 с.
3. **Зайцева Т. Б.** А. П. Чехов и И. А. Гончаров: проблемы поэтики: автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01. СПб., 1996. 18 с.
4. **Меньшиков М. О.** Без воли и совести («Палата № 6»). Рассказ А. П. Чехова // Книжки «Недели». 1893. № I. С. 199-226.
5. **Соболев Ю.** Чехов: статьи, материалы, библиография. М.: Федерация, 1930. 347 с.
6. **Сухих И. Н.** Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 183 с.
7. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 12-ти т. М.: Наука, 1974-1982.
8. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Сочинения: в 18-ти т. М.: Наука, 1974-1982.
9. **Чехов М. П.** Вокруг Чехова. М.: Художественная литература, 1981. 335 с.

LITERARY CRITIC M. O. MENSHIKOV AS A PROTOTYPE OF CHEKHOV'S "THE MAN IN A CASE"

Zaitseva Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tsurkan Veronika Valentinovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
G. I. Nosov Magnitogorsk State Technical University
tbz@list.ru

The article actualizes and justifies the hypothesis on the literary critic and publicist M. O. Menshikov (1859-1918) as a real prototype of Belikov, the character of the story by A. P. Chekhov "The Man in a Case". Relying on the analysis of the literary texts, the memoirs of Chekhov's contemporaries, the writer's diary notes, using the methods of receptive esthetics the authors show how literary associations and life experiences fancifully interwove in Chekhov's creative consciousness generating a famous image of the "man in a case".

Key words and phrases: image; prototype; overcautiousness; "the man in a case"; origin of image; literary criticism; creative associations.